

Василий Тарасенко

Корабли не разойдутся

Василий ТАРАСЕНКО

Корабли не разойдутся Романов

Повесть

Гермадию Петрову
Зачега емоше коту и
меровеку, отцовишнему
ми дорону и китаю
28.12.2012

[Signature]

Находка
2012

Городская
библиотека-музей

139588

ББК 84(2Рос)
Т19

Т19 Тарасенко Василий

Корабли не разойдутся: повесть. / В. Тарасенко. –
Находка: Институт технологии и бизнеса, 2012. – 108 с.
ISBN 978-5-89694-134-7

Древние руины на далекой песчаной планете скрывают мрачную тайну, которую хотят разгадать Санька и его отец, капитан космического корабля...

Повесть «Корабли не разойдутся» о дружбе, стойкости, способности всегда прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. Автор затрагивает и «вечную» проблему взаимоотношений отцов и детей, решая ее по-своему.

Предназначается для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос)

Свидетельство о публикации №11002180384

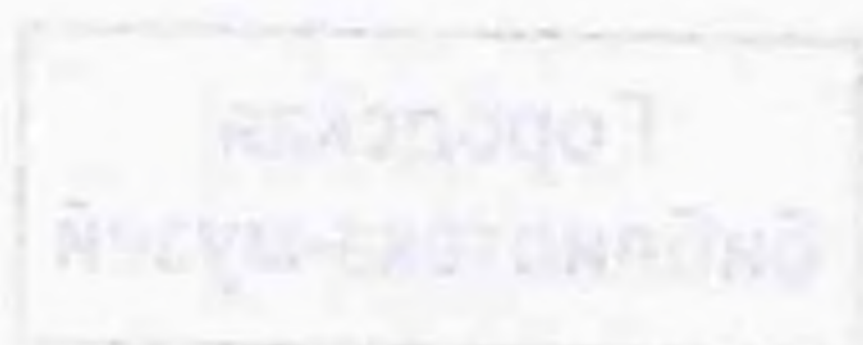

© В.В. Тарасенко, 2010

© В.В. Тарасенко, 2012

© Иван Колчанов, иллюстрация, 2012

© НОУ ВПО «Институт технологии и бизнеса», 2012

*Владиславу Петровичу Крапивину
посвящается*

Из разговора по векторно-пробойной линии связи.

Женский голос:

– Невероятно... В диспетчерской даже приборы зашка-
лило... Ты можешь себе представить, какой мощности был
удар по мембране?

Мужской голос:

– Некая бородатая личность, наверное, покрыла пре-
красными аллегориями полвселенной?

Тот же женский:

– Держи карман шире. Дождешься ты от нашего Деда
непечатных выражений...

Второй мужской:

– А что Полуденный Совет?

Первый мужской:

– Вай, Владимир, твой свет, будто ты не знаешь капи-
танов... Промычали что-то нечленораздельное и быстро
наложили вето на наше естественное желание рейдировать
то пространство.

Снова женский:

– Ладно, мальчики, вы тут покумекайте, а мне пора ра-
ботать. В портал ломится какая-то незнакомая посудина...

Три зуммера прекращения связи.

Треск зарастающих пробоев в граничных мембранах...

Из рапорта капитан-командора Всеславского С.А.:

Полуденному Совету.

Акция по выведению из точки особого напряжения раздражающих корпускулярных систем полей тех, кто сдерживал ценную реакцию распада пространства, известного, как Ратнотаамуолл, проведена в соответствии с вашим распоряжением. Результат: умеренно успешный. А именно: выведено семь контактеров. Судьба восьмого замалчивается исполнителем акции, неизвестным вам Мастером Семеном. Пренебреженно прошу принять к сведению данный факт. Больше я самоуправства не потерплю. Особенно со стороны всяких неуполномоченных представителей правого крыла нашего движения...

1. ТРЕТИЙ КОЛОКОЛ НА БАШНЕ

Сухой колючий ветер насмешливо взъерошил санькины волосы сквозь пленку монополя скафандра. Оранжевый прожаренный песок ворчливо бормотал, осыпаясь из-под ног мальчишки. Саня взлетел на бархан и замер, снова окунувшись в уснувшую на песке чуть печальную, но все-таки прекрасную тайну.

Старые развалины каждый вечер манили к себе. Санька часто подолгу просиживал в кубрике, слушая перепалки охрипших взрослых по поводу того, существуют ли вообще эти развалины. А когда он брякнул: "А чего думать-то? Жили себе люди...", – ему популярно объяснили, что людей здесь никогда не было раньше, и выставили вон, пообещав надрать уши... А развалины – вот они, реальные, с теплыми и шершавыми на ощупь кирпичами.

Саня двинулся сквозь заросли сухого колючника, дебри которого со скрипом расступались под давлением монополя. Вслушиваясь в ворчащие скрипы, Санька пред-

ставлял себе, что колючник – это множество старых космических гномов, которые собрались около замка, чтобы охранять его от всяких недобрых пришельцев. Его же, Саньку, гномы пропускали. Что нехорошего может нести в себе Александр Лебедев, которому послезавтра исполнится уже десять лет?

Старые потрескавшиеся стены, горячие от лучей почти скрывшегося за песками солнца, потрескивали и скрипели, жалуясь Сане на ветры, проникающие во все трещинки, на чересчур жаркое светило и на холодные ночи. Санька прошел по пустырю среди осыпающихся стен и взобрался на высокую, под тридцать метров, колокольню, упрямо возвышавшуюся над развалинами. Он на минутку приложил ладони к теплому, тонко звенящему боку почтенного старца-колокола, одиноко висевшего на колокольне. Еще два, поменьше, лежали сейчас внизу, полуутонув в песке, окруженные ратью хмурых гномов-колючников, среди которых опасно распустила нежно-голубые цветы синяя роза, королева вечеров и ночей планеты Бонд.

Санька снова представил себе, как в давние времена колокола сорвались с покосившейся от времени колокольни и с гулким, восторженно-звонким гудением ухнули вниз. Он почему-то считал, что они упали сразу, вместе, как расшалившиеся мальчишки, на которых с немым укором взирал с высоты старший колокол – некому было помочь ему выразить свое отношение к нынешней молодежи. Саня со смешком вспомнил ежедневное ворчание улыбчивого боцмана по поводу "дрянных и растрепанных ушастых существ, которые лезут, куда не надо, и мешают работать нормальным людям, которые, в отличие от некоторых несознательных личностей, не будем переходить на имена, не носятся, как оголтелые, по окрестностям..." На что сегодня Санька, увернувшись от широкой карающей

длани, ответил, что никто не мешает им тоже... Мальчик посмотрел на корабль вдали, среди песков. Красавец баркент "Магеллан" медно сиял отраженным вечерним светом. Отсюда, с башни, он действительно был похож на старинный парусный корабль с картины в санькиной каюте. И это была еще одна причина, почему мальчик бегал на руины каждый вечер с момента посадки космического странника на планету. Вот и сегодня Саня долго смотрел на далекий баркент, положив руки на каменные перила, уронив на ладони подбородок. Он представлял себе, что стоит на маяке, ожидая, когда величественный парусник войдет в порт... Ветер приятно щекотал ноги, мягкими лапками шарился под рубашкой. Санька снова с радостью подумал о том, как все-таки хорошо, что на планете Бонд, пятом спутнике звезды со смешным и ласковым названием Котенок, оказалось буквально все, как на Земле, которую он видел в последний раз пять лет назад, когда еще был лопоухим дошколенком. В тот год они ушли с отцом, капитаном баркента свободного следования, в далекий поход к звездам системы Кривой Багор. И в тот год из их с папой жизни ушла мама...

Словно почувствовав перемену в санькином настроении и слезы, готовые покатиться из глаз, ветер притих. Санька отчетливо помнил горькие слова, тихо сказанные надорванным голосом отца: "Нету больше мамы, сынок... Нету нашей мамы". Папа тогда тяжело осел в кресле приемного покоя медицинского центра, прижал к себе обомлевшего от ужаса пятилетнего Саньку и тихо, с надрывом, заплакал. Уже потом Сане рассказали, что его мама подцепила на Весте, куда ездила по делам, скоротечную болезнь нервных клеток и буквально через полчаса умерла там же, на Весте.

Саня часто вспоминал маму: ее доброе улыбчивое лицо со смеющимися карими глазами, мягкие, пахнувшие

мятой темные волосы, добрые руки, звонко шлепавшие его за очередную проделку.

Позже Саня узнал, что у него была сестра, Валя, бойкая, как пацаненок. Она погибла. Полезла однажды с мальчишками на опору старой заброшенной антенны спутниковой связи и сорвалась. Это случилось через три месяца после того, как Саня родился. Ей было тогда десять лет... Сейчас она была бы уже взрослой и, наверняка, гоняла бы его тапком и обзывала "ободранным котом"...

От горьких мыслей Саньку отвлек голос папы, раздавшийся из микрофона в петлице рубашки защитной раскраски:

– Ау, шкет. Если ты меня слышишь, бегом домой, а то уши надеру. Темно уже.

Только сейчас Саня заметил, что песок из оранжевого стал серым, а корабль засиял разноцветными огнями, превратившись в яркую елку в далеком темном пространстве. Дом... Для него и для папы "Магеллан" давно стал домом, самым надежным и крепким во всей Вселенной.

Санька неторопливо спустился с колокольни и снова его ворчливо обступили гномы. Теперь в их скрипе ему слышались слова прощания и желание, чтобы он пришел завтра снова к развалинам да потешил старых и одиноких гномов, ушедших на пенсию со старых и списанных космических кораблей. Мальчик выбрался на песок, обернулся к призрачному в рассеянном вечернем свете силуэту замковых руин и крикнул:

– Я приду еще! Обязательно!

Неизвестно откуда взявшееся эхо повторило:

– Обязательно!

Обрадовавшись ответу, Санька припустил со всех ног к кораблю, огни которого насмешливо щурились из темноты короткого местного вечера.

Суперкарго Матвей и вахтенный, младший электрик Сигурд, сидели у трапа и резались в карты. Потрепанные картонные прямоугольники экспоната корабельного музея порхали над крышкой притихшего столового робота-дройда, прозванного в команде Йогом. С этим потешным членом команды было связано много историй, ходивших по кораблю. Одна из них объясняла, почему у него такое прозвище. Многие пытались, и в шутку и всерьез, тычками и внезапными подножками заставить дройда уронить поднос с посудой, когда он лавировал по столовой от стола к столу. Но Йог ни разу не разбил ни одной чашки, даже случайно, за что его так и прозвали. Рассказывали, что однажды дройд нарушил закон о непричинении вреда человеку. Он обиделся и надел на голову старшему механику Копытову поднос с посудой, пообещав в следующий раз отдавить ему те самые копыта, если они еще хоть раз окажутся у него под гиродвижителями. Получив строгий нагоняй, Йог не сдался и все-таки выполнил свое обещание, когда Мишка снова попытался подставить ему подножку. Инцидент едва не закончился аннигиляцией взбесившегося робота, но команда отстояла своего любимца. А потом долго слышались по кораблю смешки и вредные вопросы типа: "Ну как, Миха? Отрастил уже новые копыта или еще старыми пользуешься?" Капитан и Санька смеялись до сучения ногами, когда жертва дройд-произвола, стармех Копытов, рассказал им эту историю из тех времен, когда Виктор Лебедев еще не был капитаном, а Саньки еще не было на свете...

Матвей вскинул брови, увидев на трапе запыхавшегося мальчишку, и сказал:

– По-моему, одна известная личность скоро потеряет свои драгоценные уши.

– А другая личность уже продула три партии, – жизнерадостно сообщил Йог, включивший глазки-огоньки.

– Два сапога – пара, – с чувством произнес Матвей, делая свой ход.

– Дядь Сигурд, а вы починили мой комп? – спросил Санька, запрыгнув на перила шлюзовой площадки. Электрик побил карту Матвея и мрачно ответил:

– Ты им орехи колешь, что ли? Пятый раз за неделю меняю блок самосохранения...

– Ну, а что я могу поделывать, если он не может понять моих программ, сказал Саня, состроив серьезную мину.

– Да, куда уж современным технологиям тягаться с юными гениями, – съязвил Матвей. Сигурд Торансон сердито глянул из-под бровей на развеселившегося кладовщика и прорычал:

– Играй давай...

– Парни, – выдохнул над ними динамик голосом капитана. – Там Александр не мелькает на горизонте?

– Еще как мелькает, – с улыбкой ответил Матвей. – Вон, аж коленки светятся.

– Саня, из трюма прямо ко мне, лады? Есть мужской разговор, – глаз потух. Матвей с улыбкой, которая стала еще ехидней, сказал:

– Мужик, желаю семь футов под... э... килем...

– Да, Саня, загляни на камбуз, – прорычал Сигурд. – Там Игорь тебе пару пирожков оставил с ужина, чтоб ты не помер с голоду.

Санька взбрыкнул ногами, слетел с перил и исчез, простучав подошвами сандалет гулкую пустоту коридора.

– А вы-с, сэр, дурак-с! – весело проорал Матвей, показывая обалдевшему Сигурду пустые руки. Электрик недоверчиво глянул в свои карты и бросил их на Йога, признавая свое первое за этот вечер поражение.

Виктор облегченно выдохнул: "Вернулся, негодник..." Он всегда беспокоился за сына. Да и какой родитель не

вздрагивает от непрошенных мыслей за сорванца-сына, упылившего черт знает куда, или за дочку, усвиставшую с компанией? Вот и сегодня такие тяжелые мысли тенями прокрались в голову капитана, хоть Виктор и понимал, что, как ни старайся, а всю жизнь "пасти" сына не будет. По всем параметрам планета Бонд была во многом даже безопаснее Земли. Но Виктор вздрагивал, представив, как Санька падает со стены в развалинах, черти их разнеси, или попадает в зыбучие пески... Три дня назад, тайком от сына, Виктор сходил на руины и дрогнул от нахлынувшего страха, увидев, какой высоты та "падающая" колокольня, с восторгом расписанная Санькой. Он даже чуть не запретил сыну шастать по камням, но, подумав, не стал устраивать скандал, а выбил из Сани твердое обещание быть осторожнее в своих вылазках. Но все равно замирал от пронзительного тревожного звона. Ведь Санька мог сорваться с высоты, как Валентина...

Санькины обещания были тверже камня. Виктор вспомнил, как год назад запретил Сани соваться в реакторную корабля. Там действительно было опасно — удары лучевых взвихрений монополя не выдержит ни один скафандр, кроме громоздкого аппарат-сейфа поля-статика. С той поры Санька ни разу не нарушил данного слова, да еще Виктор заметил, что сын стал меньше рассказывать о своих приключениях. Потом Виктор понял: Санька опасался, и не напрасно, что папа еще к чему-нибудь придерется...

Виктор в ожидании повернулся к каютной шлюзодвери, услышав в коридоре щелчки сандалий "кошмара всей своей жизни", как он в сердцах сказал однажды старпому. Ту вспышку тогда вызвал скандал с дройдами-рудокопами, внезапно вышедшими из повиновения на планете Хиндира. Всегда послушные андроиды вдруг забросили свою прямую работу и принялись строить замок из кусков черного кварца. Как оказалось, Санька перепрограм-

мировал дroids на свой лад и вкус. Виктор тогда крупно поругался с Николаем Мохом, начальником научной группы баркента.

Еще раньше, в самом начале путешествия, вся команда буквально заболела лихорадкой игр в боевых коней из конюшни капитанского сына. Взрослые дядьки, опытные космические волки, с топотом носились по коридорам корабля с хохочущим Санькой на закорках. Пришлось тогда сурово призвать к порядку самых резвых "лошадей". Буйные скачки переросли в тихопротекающее соревнование – смастерить Саньке лучшую игрушку. Победителем был единогласно признан Йог, терпеливый учитель подрастающего "чудовища". Дройд подарил мальчику парусный кораблик, любовно склеенный из белоснежного чайного сервиза, расколотого на кусочки кем-то из команды. Виктор уже и не помнил, кем... Теперь подарок дroids стоял в санькиной каюте под картиной «Фрегат "Паллада" у берегов Дальнего Востока», написанной каким-то современным художником.

Шлюзодверь бесшумно распустила лепестки мембраны, и в каюту влетел мальчишка в потрепанных шортах и рубашке цвета хаки. Виктор отметил, что Саня успел снять скафандр монополя – дань отцовскому беспокойству. Пусть уж хотя бы его минует дерущая боль от острых иголок колючника, да и немало в окрестностях всяких нервных насекомых, из-за которых подняли восторженный вой в научной части корабля...

Санька скинул сандалеты, бухнулся с ногами в мягкое кресло и с аппетитом вонзил зубы в пирожок, распространявший безумный аромат картошки, лука и печени. Виктор Степанович Лебедев сел в кресло напротив и сказал:

– Итак, молодой человек соизволил явиться. Это свидетельство того, что он сегодня не успел свернуть себе шею на "графских развалинах"... Пора тебе, Саня, браться за ум.

– Ага, – Санька облизал жир с пальцев. – Давно пора.

– Выдрать тебя пора, – улыбнулся отец. – Завтра мы отправляем к Синим Скалам роту андроидов для добычи минералов. Видишь ли, сегодня все страшно заняты непонятно чем, а в программе их работы надо кое-что подправить. Рискнешь? Я все конкретно объясню.

– Хоть щас... А сам не можешь, что ли?

– Некогда мне.

– Ой уж, – протянул Санька, – просто ты хочешь отбить интерес к вольной жизни...

– А если и так? – Виктор отвлекся от созерцания потолка и глянул на сына. Санька сидел притихший, взъерошенный и смотрел на портрет на стене каюты. Виктор почувствовал глухую боль в сердце. Наташа, острая на язык, но всегда добрая Наташка Лебедева-Герц, мать Саньки... Резко сгустились никогда не таявшие тени давнего горя. С чувством щемящей нежности Виктор снова посмотрел на сына: "Не забыл... Помнит маму..." Санька встал с кресла, прижался лицом к плечу отца. Виктор пригладил взъерошенные волосы сына:

– Ничего, малыш... Главное, помнить... И мама всегда будет рядом.

В полумраке каюты раздался всхлип, и Санька торопливо утер проступившие слезы, снова прижался... Лебедев-старший осторожно тронул кисточку волос на макушке сына. Старая боль притупилась, но все также пульсировала в душе: "Ната... Наташка..." Виктор встряхнулся, еще раз погладил санькины волосы и сказал:

– Сань, ты вот что... Сходи к Сырому. Наш старпом нашел сегодня что-то интересное и хотел тебе показать.

Потом приходи снова. Сегодня по почте пришла новая книга. Почитаем...

Саня сумрачно кивнул, потер глаза и пошел к двери, но вдруг пружинисто вскинул голову и выскочил в коридор. Виктор устало улыбнулся и, как бы извиняясь, посмотрел на голограмму Натальи: "Извини, Ната, он мальчишка. Пять лет все-таки прошло..."

В душе у Саньки было сумрачно, когда он появился в кубрике, где в то время всегда обитал старпом. Авдей Казимирович Сырой, которого все, кроме капитана, стали называть Тамерланом после случая на Хиндире, вышагивал по просторному помещению, пыхтя трубкой и припадая на левую ногу. Хромал он после того, когда на Хиндире первым примчался на руины обвалившегося "замка", вытащил пацана из-под обломков, а потом три дня просидел у постели больного Сашки... И они прикипели друг к другу.

Седовласый мужчина с окладистой бородой и желтыми от табачного дыма усами окинул взглядом голенастого темнорусого мальчишку с припухшими от слез глазами, с серьезным пониманием положил ему руку на плечо и сказал:

– Я хотел тебе показать кое-что, но, если хочешь, можно отложить это занятие на потом...

– Не..., – Санька вскинул глаза, брызнув синевой, – показывай...

Авдей Казимирович сглотнул, утихомиривая подступившую к горлу теплую ласковость, внезапно подхватил взвизгнувшего Саньку и перекинул себе на плечо. Тот обрадовано взбрыкнул поцарапанными ногами. Старпом подошел к старому дивану и сбросил мальчика на теплый потертый сатин неопределимого за давностью лет цвета. Обиженно взвизгнули пружины... Из-за этого дивана шла настоящая война между старпомом и боцманом. Моложавый, всегда опрятно одетый боцман Тахтамышев Стас Тарасович около года прицеливался выбросить в пасть анни-

гилятора "эту реликвию ржавой ностальгии, которую один впавший в детство бородач, не будем показывать пальцем, потащил на научный корабль...". На что Авдей сначала сдержанно возражал, а потом распаялся, превращаясь в грозную смолокурню (без трубки старпома практически никогда не видели), и громко неистовствовал по поводу "склеротичного очкарика, который забыл, как сам протащил на корабль груды ржавого железа, чересчур громко названную коллекцией металлов... Он, старпом, тогда посмотрел на такое самоуправство сквозь пальцы, но ведь память у него, старпома, пока в хорошем состоянии, не то, что у некоторых... Можно и вспомнить...". Так они распаялись, потом гордо расходились, горячо уверив друг друга в обоюдном неприятии. А спустя час-другой уже все знали, что они снова сидят в кубрике и азартно режутся в шашки, просиживая штаны на злополучном диване...

Санька увидел на столе, хоть и единственном в кубрике, но огромном и обитом зеленым бархатом, куб многомерных шашек. Он соскочил с дивана и спросил:

– Кто победил?

– Дитя мое, – старпом печально встопорщил усы. – Видишь ли...

– Ясно, – Санька деловито вернул разноцветные шашки на свои места. – Ты какую позицию вел?

– Ух... "Пятый белый кит раджи". Так, вроде бы, называется.

– А Стас Тарасович?

– "Авоську", – твердо ответил Авдей.

– "Ножницы" пробовал?

– А как же, – Авдей копался в карманах. – Но наш несносный боцман бросил в меня "Бомбу"... Ага, вот он...

– Вау, – не сдержался Санька, увидев, что достал из не приметного кармана старпом, и с надеждой, не веря своим глазам, спросил шепотом:

– Это правда он?

– Да. Я сегодня нашел его в пустыне. Верно говорят, что квирины шляются от планеты к планете. Не думал я найти здесь, на... э... заднем месте вселенной, космического рака. Вот его-то я и хотел тебе подарить в преддверии твоего дня рождения.

В санькины ладони упал теплый шарик, похожий на ошупь на комок мягкой пушистой шерсти. Выглядел же квинрин совсем не так, как ощущался. Он был похож на кусок крупнозернистой пемзы, поры которой были залиты разноцветным стеклом. Так выглядит пемза, если опустить ее в банку с водой. Старпом отчего-то нахмурился и спросил:

– Знаешь, как обращаться?

– Конечно, – тихонько, чтоб не сдуть с ладони невесомый подарок, ответил Санька. И вдруг заорал, как от щекотки, подпрыгнул с места и повис на шее у старпома. Прошептал:

– Спасибо.

– Ха, спасибом не отделаешься, – Авдей закружил мальчика, подбросил под самый потолок, который "испуганно" выгнулся в том месте, где его едва не коснулась лохматая голова, издавшая вопль, а потом сильные руки осторожно опустили Саньку на пол...

Старпом смотрел, как бережно мальчик уносит подарок, будто еще не верит. Его голос догнал Саньку в коридоре:

– И смотри, не цепляйся больше ногами за всякое железо. Где ты его только находишь на корабле?

Санька крикнул в ответ:

– Спасибо!

Быстрый топот возвестил о том, что "дитя клубящихся пространств" умчался к себе, в каюту. Авдей с грустью подумал о том, что у него мог бы быть такой сын, если бы... Снова топот, и в кубрик заглянула улыбающаяся рожица Сашки:

– Тебе надо было на "Бомбу" ответить "Пяткой Будды".

И снова тишина. Старпом сунул пальцы в бороду, подошел к столу, рассмотрел внимательнее оставленную Саней позицию в шашках и выдохнул:

– Мда... Шустер...

Сейчас каждый взрослый знал, что если подарить нормальному ребенку квирина, радости будет вагон и маленькая тележка. Впервые о космораках заговорили лет двенадцать назад. И до сих пор об этих таинственных существах не было известно практически ничего. Квирины встречались очень-очень редко и всегда разных размеров. Ходили даже неподтвержденные слухи о том, что видели, дескать, косморака диаметром целых полтора метра с гаком...

Все это рассказал Саньке серьезный Толик Калашников, ходивший всегда с видом примерного вундеркинда. Было это год назад, когда "Магеллан" состыковался с "Птахом", другим научным судном, не то олджаммером, не то барком. За пять лет пути "Магеллан" не раз входил в контакт с другими кораблями и почти всегда на незнакомых судах царствовали свои "лопоухие личности". Санька чаще всего вспоминал братьев с "Телесфора", названного так в честь одного врача, жившего давно-давно, как объяснил Валерка, старший в этой неразлучной парочке. Смешливый Алешка, пятилетнее тонконогое существо, весьма довольное жизнью, вспоминался Саньке едва ли не чаще Валерки. Они могли стать друзьями. Но корабли не только сходятся, но и расходятся.

Грусть испарилась моментально, стоило только Саньке снова посмотреть на квирина. Толик тогда еще шепотом, от которого шли мурашки, рассказал о самом главном, о том, чего не знали взрослые, но зато знали все ребята, с которыми Толик встречался до Саньки...

Санька с замиранием узнал, что квинин может выполнять желания. И чем сокровенней оно, тем больше вероятности, что сбудется.

Санька не задумывался над своим желанием. Он твердо знал, чего хочет от жизни. И от этого знания звенели в нем струнки нетерпения, сладкого замирания и тревоги. Он влетел в свою каюту, бухнулся на теплый диван-аморф, с сытым урчанием обнявший его колени, и поднес к лицу ладони с невесомым странником космоса. Зажмурился и со звенящей, прочной, как колокол, верой в чудо прошептал:

– Хочу, чтобы у меня был друг...

И неожиданно для себя, с пробившейся слезинкой в голосе, на одном дыхании, добавил:

– ...и мама.

Ничего не случилось. Да и что могло случиться сразу? Санька прекрасно понимал сложности волшебной метавселенной. Надо всего лишь подождать. Он, Санька, готов подождать, но только можно побыстрее?.. Саня осторожно положил квинина рядом с подарком Йога, провел пальцем по пузатым парусам из фарфора, посопел, глядя на сумрачную картину, где величественный фрегат стремительно двигался вдоль темного побережья, под серым беспокойным небом, навстречу яркому лучу Солнца, пробившегося сквозь окошко в сердитых тучах. И побежал к папиной каюте, помня, что надо еще повозиться с программой-поводырем для завтрашней роты андроидов.

Программа не ладилась. То ли потому, что забарахлил комп, то ли потому, что Санька слишком усердно изображал программиста, но Виктора грызло какое-то непонятное чувство. Наконец, капитан обозвал компьютер "бесполезным комом взбесившихся микросхем", встал, потянулся и подмигнул сыну. Саня тут же схватил со стола новую книгу, радостно заорав:

– Я первый!

– Возражений не имею, – Виктор растянулся на диване – руки за голову – и привычно напрягся. Санька с места сиганул на отца и бухнулся ему на живот. Виктор сердито выдохнул:

– Ух... Ошалел, что ли? Тяжелый уже...

Санька виновато посопел, завозился, устраиваясь удобнее, положил себе на колени холодный край прямоугольника книги. Вообще-то от книги здесь было только название. Два тонких проектора на цветных гидрокристаллах соединены гибким пластиковым корешком, в котором находились ячейки памяти. На левой пластинке замерцал звездный хоровод, сквозь который проступило название книги и имя автора:

ЛИЦО ЧЕРНОГО ВСАДНИКА,

или

История о том, как два друга
отправились в путешествие
за три реки, и о том, что с ними было,
что они видели и кого встретили.

Автор

СЕВЕРИАН КРУТОСЛАВОВ.

Санька звонко отбарабанил надпись вслух, нажал выпуклость в правом нижнем углу правой пластины и начал читать проступивший текст...

Спустя часа полтора Виктор погнал сына спать и не удержался, прижал щуплого Саньку к себе, растрепал волосы на светлой голове. Саня ускакал, а Виктор с растерянной лаской подумал о том, что теперь уж сын не проскользнет ночью в его каюту, как делал раньше, и не зашепчет на ухо: "Пап... Можно, я у тебя полежу? А то там скучно..." Первые недели полета Виктор часто просыпался в тревоге от его надрывного плача, брал пятилетнего Саньку на руки и ходил по каюте, успокаивая и убеждая скорее

себя, чем его, в том, что все будет хорошо... Хорошо?... Хорошо?! Никогда ни Саньке, ни ему не будет хорошо без мамы... От таких мыслей Виктор сам едва не заходился в надрывном вое по ночам. Ему хотелось метаться, биться о стены, лупить тех, кто с деланным сочувствием выражал соболезнования, бежать, куда глаза глядят... Но он лишь прижимал к себе Саньку, и нехорошие мысли и намерения исчезали. Санька. Единственный свет в окошке...

И книга. Она попала ему в руки где-то через полгода. Неказистое издание работы по теории бесконечной многомерности пространств, автор некто Лигов С.Т. В книге, в качестве доказательства, приводились факты о встречах с теми, кто умер. Там говорилось, что умершие ускользают по незримым путям в другие грани Кристалла и там продолжают жить, изредка появляясь в снах самых близких людей и призывая их к себе, убеждая, что могут забрать их в свой мир. Были случаи, что некоторые люди после смерти близких им людей бесследно исчезали. Даже медики, следившие за их биополями, говорили, что пропавшие просто испарялись из трехмерного пространства, намекая на какие-то константы и флюиды некротического поля... Мысль запала в подготовленную голову. Виктор дрогнул. Да и как иначе? Капитан убеждал себя, что прав – ведь никто так и не видел тела. И очень уж подозрительно вели себя служащие клиники на Весте. Избегали прямого взгляда, комкали разговор, едва заслышав желание Виктора увидеть тело, испуганно отказывали в прощании и напоследок выдали урну с прахом, объяснив, что провели такую быструю кремацию по закону о соблюдении эпидемиологического контроля...

Наверное, Виктор слегка сдвинулся умом, но он поверил, как ребенок, в чудо, потянулся обожженным сердцем... Потому что Наташа часто являлась ему в снах, звала с собой, убеждала в чем-то... Но после чтения книги она больше не приходила. Виктор маялся, чернел лицом,

устраивал войну с командой по любому поводу. В ту пору особенно обострилось желание уйти... Лишь Санька, вечно голоногий и растрепанный, не давал Виктору погрузиться в безликую черную пустоту депрессии.

Виктор вспомнил, как привел на "Магеллан", стоявший еще на стапелях, своего сына, заявив старпому, что не отдаст его ни в какие спецшколы. Виктор понимал, что старпом прав во всем, что говорил тогда. И в том, что Виктор эгоист, потащивший пацана за собой лишь для того, чтобы ему, Виктору, было не так тошно. И в том, что Саньке нужны друзья его возраста, а не грубоватые дядьки и не сюсюкающие тетки из экипажа. И в том, что "хватит, наконец, строить из себя муху, вляпавшуюся в паутину и потерявшую волю к жизни, безропотно сложившую лапки и чего-то ждущую, вместо того чтобы трепыхаться, жить и бороться..." И в том, что он действительно "эгоист, который думает только о себе и не может хоть раз серьезно подумать о судьбе сына". Виктор оправдывал себя тем, что он всегда думает о сыне, боится за него, как когда-то боялся за Валу, боится, что загнется сам, если рядом не будет Саньки...

"Боишься за свой покой, за свое жалкое существование", – презрительно подумал капитан и радостно согласился: да, он боится всего... А о судьбе сына действительно стоит подумать. Не век же ему выслушивать школьную программу от Йога, который не может заменить Саньке друга. Виктор вызвал на связь старпома:

– Вот что, Авдей... Прозондируй условия поступления на Планету-Лицей для десятилетнего мальчишки.

– Надумал? – просветлел Авдей Казимирович.

– И не просто надумал, – усмехнулся Виктор, поняв, что настала пора, – я послезавтра подам рапорт о переводе из действующего флота на базу Лицея. Прости, Авдей, но я без Саньки дышать не смогу...

Авдей долго смотрел на погасший кусок стены, потом выбил пепел из трубки и вздохнул. Если бы у него был такой сын, он сам бросил бы все на свете, чтобы быть с ним рядом, видеть его хотя бы издалека, хотя бы пять минут в день и знать, что с ним, вечно ехидным и поцарапанным мальчишкой, ничего не случилось...

Супербот вернулся с Синих Скал к обеду. Из нутра аппарата шумно вырвались механик Кир, электрик Тимур Ангр и Антон Хмуров, старший из братьев. Санька подбежал к ним, рассекая ногами песок. Тимур, известный в команде как Ходячий Анекдот, улыбнулся, смешно сморщив мясистый нос в оспинках, и изрек:

– Идет авианосец по пустыне. Давай пять, Санек...

Санька протянул ладошку, Тимур – свою лапу, и они сошлись в звонком хлопке. Кир лишь подмигнул и оттопырил большой палец. Антон тем временем зарылся в грузовой отсек бота и выволок на песок объемистый мешок с образцами минералов Синих Скал.

Они пошли к трапу, где их встретил Том, один из матросов-спейсеров. Огромный, двухметрового роста бородатый мужчина поздоровался с Тимуром, взял у него ноготок-информатор, сунул его в приемное гнездо общего корабельного компа и прошелся толстыми обветренными пальцами по проявившейся на панели клавиатуре. Встопорщив бородку-шотландку, Том сказал:

– Молодой человек... Да, тот, что прыгал по ступеням. Есть разговор...

Санька оробел. Том был третьим человеком в команде, чьи отцовские чувства по отношению к мальчику принимались "самой большой бедой корабля за все время его существования". Том был огромен. Он стоял над Саней, как скала над океаном, и осуждающе смотрел своими узкими глазами, окруженными паутиной трещинок-